

Владимир Шаронов
(Калининград)

К ИСТОРИИ МИФА О ПЕРЕХОДЕ Л. П. КАРСАВИНА В КАТОЛИЧЕСТВО

В массовой, а иногда и в научно ориентированной печати воспроизводятся сведения о переходе в католичество русского ученого и религиозного философа Льва Карсавина. Как правило, публикации такого рода обходятся без указания на источники подобных утверждений. Между тем сопоставление воспоминаний тех, кто стал свидетелем последних лет жизни Карсавина, и другие документы того времени позволяют утверждать, что история с переходом в другую конфессию не только миф, рожденный восторженностью ревнителей католичества, но она еще и противоречит свидетельству самого умирающего философа.

Ключевые слова: *Анатолий Ванеев, Лев Карсавин, Эрих Зоммер, Абезь, православие, католичество, русская религиозная философия, Филиокве.*

Предположить такое о Карсавине могли не имевшие представления о нем...

Анатолий Ванеев

Время от времени — преимущественно в зарубежной печати — публикуются сведения о переходе русского религиозного философа в католичество. Их завидная устойчивость заставляет сопоставить все известные на сегодня обстоятельства возникновения такого рода мифа, проследив историю его возникновения и сопоставив надежность источников.

Уже прижизненные отношения Л.П. Карсавина с ревнителями церковной традиции как с родной для мыслителя конфессией — православием, так и с чуждой западной — католичеством, трудно назвать гармоничными. Даже сегодня многие его работы невольно подталкивают к мысли о склонности к интеллектуальной провокации и неслучайности многих зигзагов судьбы этого ученого, богослова, философа и поэта. В этом отношении чаще всего вспоминают одну из первых работ Карсавина — «Noctes Petropalitanae» («Петербургские Ночи»),

изданную в Петрограде в 1922 году под влиянием страстной любви к Елене Чеславовне Скржинской. В этой работе автор смешал интеллектуальные спекуляции, наукообразное умничанье с подлинными мистическими откровениями и к тому же щедро приправил текст подробностями сугубо интимных переживаний. Размышления о Боге и эротической стороне любви возмутили не только марксистки ориентированных критиков¹, но и просвещенную православную общественность. Имея в виду «Ночи», Карсавину даже спустя годы продолжали пенять за «дух много похуже», чем еретический, упрекать в «розановщине» [4, с. 93]. Такой остракизм был, с церковной точки зрения, вполне обоснован: на момент романтических отношений, описанных в «Ночах», автор был скован семейными узами, воспитывал трех дочерей.

Второй работой, обещавшей серьезно повлиять на судьбу Карсавина, стала статья «Восток, Запад и русская идея», также увидевшая свет в 1922 году в Петрограде. В ней центром *зубодробительной* критики стала не привычная для русской публики тема «цезарепапизма» Римского престола, но самый центр католического вероучения — догматическое положение *Filioque*. Это добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры было принято Западной церковью в XI веке и относилось к догмату о Троице (оно провозглашает собой исхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Сына, как и переводится слово «*Filioque*»).

Сам Карсавин хорошо осознавал возможную реакцию на свои идеи. В знаменитой переписке с Густавом Андреасом Ветгером, будущим основателем советологии и директором Центра по изучению марксизма при Григорианском университете, а на момент переписки в 1939—1940 годах докторантом этого папского центра в Риме, — русский философ, в частности, писал:

Я хорошо понимаю, насколько еретическим должно казаться подобное утверждение... Вы избрали темой Вашей диссертации идею всеединства и, насколько я понимаю, в связи с особенностями восточного христианства. Конечно, я чувствую себя его представителем; однако не берусь судить, насколько защищаемая мною система действительно для него характерна. Для меня эта система связывается со святоотеческим богословием,

¹ Один из самых ярких откликов на «Ночи» в пролетарской печати, без сомнения, принадлежит Андрею Платонову, в то время недавнему выпускнику партийной школы: «Автор — дохлый человек и совершенно непросвещенный», см.: Платонов А. Л. Карсавин. *Noctes Petropolitanae*. Пг., 1922. Рец. на кн.: Карсавин Л. *Noctes Petropolitanae* // Воронежская коммуна. 1922. 9 авг.

особенно с Григорием Нисским и Максимом Исповедником, на Западе — с такими несомненно восточного типа, но подозрительными для ортодоксии метафизиками, как Николай Кузанский и даже Эриугена, в России — со славянофилами, богословствование которых определено немецкой идеалистической философией, и с некоторыми представителями академического богословия (особенно с Болотовым, А. Спасским, Несмеловым). Владимира Соловьева я ощущаю как католика, а современным русским богословам представляюсь еретиком [6, с. 108 — 109, 147 — 159].

История прижизненных отношений Льва Карсавина с католичеством — от уважительного изучения истории и вероучительных положений Западной церкви до споров с ними, нападков на них и еще более неожиданных извинительных строчек — вполне может стать основой для отдельного авантюрного романа. Увы, даже мученическая кончина этого мыслителя не только не исправила, но еще более усугубила сложившуюся двусмысленность и вытекающую из нее неоднозначность оценок имени Карсавина сразу с двух сторон — православной и католической. Причиной этого стала череда странных обстоятельств, предшествовавших кончине Л. П. Карсавина в центральной больнице Особого инвалидного лагеря №4 под Интой в Коми АССР. Наиболее подробно о них рассказал в своей книге «Два года в Абези» Анатолий Анатольевич Ванеев, ставший в заключении учеником и душеприказчиком Льва Платоновича.

Свое повествование Ванеев довел до читателя так, что многие его участники, находившиеся в заключении вместе с Карсавиным и самим автором воспоминаний, названы скупо, зачастую только по имени или по имени и отчеству, без указаний на подробности биографий. Ванеев объяснял это тем, что предлагает читателю не традиционные мемуары, а сочинение в жанре, который он сам определил как «множественный идеологический диалог» [2, с. 191]. Вместе с тем наши разыскания подтверждают, что выбор Анатолием Анатольевичем лиц, на которые было направлено его внимание, обосновывался прежде всего их духовным масштабом. Но все-таки их появление в книге подчинено автором главной задаче проявления той или иной грани религиозного мыслителя, вокруг которого и строится все повествование. Кульминацию книги составляет рассказ о кончине Карсавина, сопровождающейся многими странными и даже мистически окрашенными обстоятельствами.

Скупыми штрихами (однако, концентрируясь на главном) Анатолий Анатольевич обрисовывает, как, узнав от лагерного врача Владаса Шимкунаса о скорой смерти больного, он несколько раз обращается с просьбой к православному священнику, находящемуся также в лагере в качестве отбывающего наказание:

Карсавин внешне довольно бодр, но процесс распространяется неумолимо. Дни его сочтены. Можно ли допустить, чтобы Карсавин ушел без исповеди? Вам надо поговорить с Карсавиным, — сказал Шимкунас, — и надо найти священника...

Вечером следующего дня, придя к Карсавину, я сказал ему, что в этом лагере есть священник о. Петр², человек весьма уважаемый, с академическим образованием...

Карсавин, посмотрев в мою сторону чуть лукаво, уверенно сказал:

— Вижу, вас подослал ко мне с этим разговором Владас. Он, как врач, знает, что пришло время мне подготовиться. Он добрый человек. И об о. Петре я слышал. Но разве обязательно нужен о. Петр или кто-нибудь другой? Что изменится от этого? Умирая, человек соединяется с Богом. Бог Сам знает, как нужно все устроить [1, с.155].

В конце концов, свидетельствует Ванеев, Карсавин согласился, как согласился и дважды пообещал прийти к умирающему отец Петр. Но обещаний своих православный священник так и не исполнил, что автор воспоминаний сопровождает горьким, но все же неоднозначным комментарием:

Трудно разобраться в мотивах поведения человека. Бывают в поведении людей провалы и загадки, которым не находится объяснения. Так и в истории с о. Петром. Он не пришел — ни завтра, ни через день. Этот человек вообще не пришел, хотя обещал прийти, хотя знал, что его ждут, и что прийти было его долгом [1, с. 165].

И тогда Шимкунас попросил Ванеева, чтобы тот предложил Карсавину позвать для исповеди ксендза.

Карсавин слушал меня, спокойно глядя в потолок. О. Петр не приходит? Пусть не приходит. На то он и Петр. В таких обстоятельствах церковный канон разрешает вообще обойтись без священника. Любой православный в отношении к умирающему может взять эту обязанность на себя.

Обстоятельства сложились так, что любым православным мог быть не кто иной, как только я. Но я не сознавал себя готовым к этой роли и даже не знал толком, как это делается. Поэтому я сказал:

— Пусть уж лучше это будет хоть католический, но священник.

— Хорошо, — сказал Карсавин, — пусть будет, как решите вы и Шимкунас.

² Нам удалось установить, что этим священником был Петр Алексеевич Чельцов (1888—1972). В 2000 году он был причислен к лику святых и почитается как Святой Праведный Петр Великодворский, см.: *Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской православной церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века.* М., 2000.

Точка зрения Шимкунаса была ясна. Что же касается меня, я не был свободен от колебаний в этом вопросе. Мое отношение к нему отчасти было подсказано оглядкой на мнение тех людей, религиозная щепетильность которых приписывала вес обрядовой стороне дела. Как раз поэтому обращение к католическому ксендзу, несмотря на каноническую правомерность, имело в себе нечто, смущавшее меня.

Обоснованность моих тогдашних сомнений нашла подтверждение в том, что позднее на Западе появилось ошибочное сообщение, будто бы Карсавин перед смертью перешел в католичество... Итак, не Карсавин, а я определил выбор священника... [1, с. 168]

Итак, Ванеев, как главный свидетель, уже указывает на сообщение, ставшее в будущем основой мифа о переходе православного богослова, философа и ученого Льва Карсавина в католичество. Однако в своих воспоминаниях он не мог назвать первоисточник данного утверждения. Это связано с тем, что издание, в которых оно впервые появилось, по понятным причинам не могло быть доступно в годы написания книги не только А. А. Ванееву, но и большинству советских граждан — речь идет о журнале «*Orientalia Christiana Periodica*», издаваемом папским Восточным институтом.

Между тем не только связь с периодическим католическим изданием, но общественная известность автора указанной публикации, породившей соответствующий миф, во многом объясняет быстроту его распространения и последующее широкое тиражирование. Его имя — Эрих Франц Зоммер (1912–1996). Этот человек вошел в историю XX века как переводчик ноты Министерства иностранных дел Германии Советскому Правительству от 21 июня 1941 года, содержащей в себе фактическое объявление войны. Впоследствии Э.Ф. Зоммер, осужденный как военный преступник, отбывал часть наказания в инвазивном Абезьском лагере №4. В 1955 году он вернулся в Германию и до самого ухода на пенсию находился на дипломатической работе в Австрии, ЮАР, США, Швейцарии, Ватикане. Он является автором нескольких историко-публицистических книг и воспоминаний, был одним из крупнейших в Западной Европе специалистов по истории русского театра и творчеству А.С. Пушкина, принимал деятельное участие в создании в Мюнхене Центра русской культуры MIR [7].

Именно Зоммер спустя три года после своего возвращения из России опубликовал в указанном выше папском сборнике свои воспоминания. Он озаглавил их «О жизни и смерти русского метафизика. Запоздалый некролог Льва Карсавина (12.7.1952)». Свои воспоминания Зоммер открыл следующим сенсационным сообщением:

Одному из немецких военнопленных, вернувшихся на родину в 1955 году, выпало доставить первые достоверные известия о конце жизненного пути этого русского метафизика, которого знали также и в Западной Европе. Случай помог тому, что среди немногих заметок, которые он сумел пронести через пограничный контроль, находилась и небольшая тетрадка с выписками из философского наследия Карсавина. То, что придает значительность этому письменному завещанию ученого, который в свой смертный час вернулся к Римской Матери-церкви» [3, с. 455 – 456].

Читатели папского сборника на момент появления этой публикации не имели надежных сведений о смерти Карсавина, однако сопоставление самого названия мемуаров с их основным текстом должно было породить обоснованные сомнения в их достоверности. Итак, в названии значится дата смерти 12 июля, в том время как Зоммер сообщает, что был доставлен в Абезь только 13 июля 1952 года [3, с. 457]. Чуть дальше в своем повествовании он подтверждает указанную в названии недостоверную дату смерти:

надеялся встретить и профессора Карсавина, знакомого мне по имени с моих студенческих лет в Берлине; к нему у меня были рекомендации, и я должен был передать ему приветы. После определения в рабочую бригаду и в барак, мой первый же выход был к врачу стационара, в котором, по моим сведениям, Карсавин был на лечении с осени 1951 года. Но там я встретил лишь печальное покачиванье головой: «Вы слишком поздно приехали. Вчера с ним произошел мозговой удар. У гипертоников это частая причина смерти. Все, что в человеческих силах, для него было сделано. Он ни в чем не нуждался. У него были верные друзья и прекрасная кончина» [3, с. 455 – 456].

Таким образом, ясно, что свой рассказ о переходе Карсавина в католичество Э. Ф. Зоммер создал на основании сведений, рассказанных ему заключенными единоверцами-католиками. При этом важно обратить внимание на то, что и Ванеев, и Зоммер указывают на литовское этническое происхождение ксендза, принявшего у Карсавина последнюю исповедь. Однако и это обстоятельство, как выясняется, не бесспорно. Есть все основания наиболее точными считать воспоминания бывшего заключенного Абезьского лагеря Владаса Насявичуса (1909 – 1986). В них он точно указал не только дату, но и время смерти Л. П. Карсавина: 20 июля 1952 года, 7 часов 30 минут, причем на момент своих воспоминаний не имея доступа к секретному следственно-

му делу за №16416, в котором находится соответствующий акт о смерти за подписью тюремного врача В. И. Мельникова — лечащего врача Карсавина М. Г. Сологуба³ [9].

Насявичус уверенно говорит, что в описываемые события в центральной больнице находился только один католический священник — Адольф Кукурузинский — и также точно указывает, что он до ареста работал в Луцкой епархии [6, с. 148]. Вместе с тем и Насявичус не удерживается от указаний на переход Карсавина в католичество, правда, указывая, что русский мыслитель неоднократно писал о различиях между Восточной и Западными Церквями [9].

Эти же сведения о принятии Карсавиным католичества в течение многих лет (в том числе и на наших личных встречах) с энтузиазмом тиражировал еще один бывший абезьский заключенный — Альфонсас Сваринскас, тайно рукоположенный в сан в 1954 году [8]. У всех этих ревнителей западной конфессии миф о переходе Карсавина в католичество в обязательном порядке сопровождается пафосными пышными утверждениями о невероятной популярности русского мыслителя у заключенных-литовцев, их глубоком интересе к карсавинской мысли, частых и близких философских и теологических беседах с философом.

Но вот как комментирует эти получившие хождение слухи главный свидетель, чью действительную духовную и интеллектуальную близость к Карсавину подтверждают не только те же узники Абезьского лагеря, Э. Зоммер, В. Насявичус, А. Сваринскас, но и такие впоследствии известные фигуры, как В. Василенко и Ю. Герасимов, ср.:

Сообщение о том, что Карсавин принял последнее таинство от католического священника, в устной передаче подверглось трансформации вплоть до ошибочного, но сенсационного известия о переходе в католичество. Предположить со стороны Карсавина такой шаг могли только люди, не имевшие никакого представления о нем [1, с. 168].

Итак, мы имеем прямо противоположные свидетельства, которые, казалось бы, не позволяют беспристрастно принять ту или иную сторону, однако это не совсем так. Но по счастью, правота Анатолия Ванеева подтверждена не больше, но и не меньше как самим Львом Платоновичем. В его чудом сохранившемся письме, написанном менее чем за два месяца до кончины, датированном 27 мая 1952 года, он со-

³ Указанное следственное дело хранится в Особом архиве Литвы г. Вильнюс и в настоящее время доступно для исследователей.

общает о своем литовском окружении: «Литовцев мало. Это искренние люди, которые по отношению ко мне проявляют очень большую заботу. Но моя интеллектуальная работа и духовная жизнь их, в сущности, не интересуют»⁴.

Эти слова Карсавина со всей очевидностью подтверждают максимальную духовную корректность А.А. Ванеева по отношению к собратьям по выпавшим испытаниям, но принадлежащим к иной христианской конфессии. Отводя в сторону даже тень подозрительности в злонамеренном порождении необоснованных слухов, Анатолий Анатольевич дал такой исчерпывающий комментарий по поводу мифа о переходе Карсавина в католичество:

Не думаю, чтобы здесь имела место сознательная ложь. Просто у католиков встречается конфессиональная восторженность и легковерие в свою пользу [1, с. 168].

Таким образом, все приведенные аргументы прямо подтверждают правоту А.А. Ванеева как ближайшего ученика и душеприказчика Л.П. Карсавина и не оставляют никаких оснований для сомнений в верности Льва Платоновича православному исповеданию до самых последних мгновений его земного пути.

Список литературы

1. *Ванеев А.А.* Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Брюссель, 1990.
2. *Ванеев А.А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // *Ванеев А.А.* Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 190–215.
3. *Зоммер Э.Ф.* О жизни и смерти русского метафизика. Запоздалый некролог Льва Карсавина (12.07.1952) // Лев Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. М., 2012. С. 455–466.
4. *Ермишина К.Б.* Любовь нужна пламенная... : матер. к истории Братства Св. Софии : письма Н.С. Трубецкого и протоирея С. Булгакова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. Вып. 21. С. 83–100.
5. *Книга памяти.* Мартиролог католической церкви в СССР. М., 2000.
6. *Карсавин Л.П.* Письма // Символ. Париж, 1994. №31. С. 108–109, 147–159.

⁴ Цитируемое письмо хранится в фондах библиотеки Вильнюсского государственного университета им. Витовта Великого. О сохранившихся письмах Карсавина подробнее см.: архив Л.П. Карсавина. Вып. 1 : семейная корреспонденция // Vilniaus universiteto leidykla / сост. П.И. Ивинского.

7. Фитц А. Мост дипломатов, самоубийц и влюбленных // Русская Германия. 2016. №16. 22 апр.

8. *Alfonsas_Svarinskas*. URL: https://lt.wikipedia.org/wiki/Alfonsas_Svarinskas (дата обращения: 18.05.2016).

9. *Vladas Nasevičius*. Profesorius Leonas Karsavinas paskutinėje savo gyvenimo stotyje. Į laisvę, nr. 114 (151) (1992) psl. 22–32. URL: <http://partizanai.org/index.php/i-laisve-1992-114-151/3023-profesorius-leonas-karsavinas-paskutineje-savo-gyvenimo-stotyje> (дата обращения: 21.05.2016).

10. *Erich Sommer*. Vom Leben und Sterben eines russischen Metaphysikers. Einver späteter Nachruf auf Leo Karsavin (f 12.7.1952). 1958. XXIV. S. 129–141.

Vladimir Sharonov

THE HISTORY OF THE MYTH OF L. P. KARSAVIN'S CONVERSION TO CATHOLICISM

There numerous publication on the conversion of the Russian scientist and religious philosopher Lev Karsavin to Catholicism. Meanwhile, the juxtaposition of the memories of those who witnessed the last years of Karsavin's life as well as many other documents of that time make it possible to assert that his conversion to another faith is only a myth created by enthusiastic zealots of Catholicism, since it contradicts the dying philosopher's testimony.

Key words: *Anatoly Vaneev, Lev Karsavin, Erich Sommer, Abez, Orthodoxy, Catholicism, Russian religious philosophy, Filioque.*